

Яо Яньцин, услышав эти слова, постепенно успокоился, гнев на его лице рассеялся, и он тихо фыркнул:

— Я знаю, что у вас есть свои источники информации, и открытие взаимной торговли — это то, что от вас не скроешь. Я не стану ходить вокруг да около: да, это правда. Я знаю, о чём вы думаете, просто хотите быть первыми, кто попробует новое, как первый, кто съест краба.

Ли Синь, услышав это, с улыбкой ответил:

— Ваша светлость всегда заботится о народе и понимает наши мысли.

Яо Яньцин тихо усмехнулся:

— Это естественно. Люди стремятся к высотам, как вода течёт вниз. Даже я мечтаю однажды получить повышение и титул.

Лю Чжоуцзэ тут же подхватил:

— Ваша светлость пользуется таким доверием у императора, что повышение и титул — это лишь вопрос времени.

Яо Яньцин слегка улыбнулся, его тонкие губы изогнулись:

— Чтобы получить повышение, нужно обладать умениями. Если я не справлюсь с этим первым заданием, то о каком будущем может идти речь?

Лю Чжоуцзэ быстро сориентировался и спросил:

— Позвольте мне быть нескромным, но есть ли у вашей светлости какие-то трудности с этим заданием? Если есть, я готов помочь.

Яо Яньцин тихо вздохнул, сделав вид, что ему нелегко:

— Император намерен построить Храм Милосердия в Сяду. Я подумал, что богатые купцы Лянхуая всегда были склонны к благотворительности, и вызвался отправиться на юг, чтобы собрать средства на строительство храма...

Не дав ему договорить, Ли Синь поспешно вмешался:

— Строительство Храма Милосердия — это благое дело. Мы должны благодарить вашу светлость за то, что вы подумали о нас. Сколько же потребуется серебра для строительства? Хотя моё состояние скромное, я готов внести свой вклад в это благородное дело.

Яо Яньцин лишь улыбнулся, ничего не ответив, взял гайвань и сделал небольшой глоток. Через некоторое время он произнёс:

— Благие дела измеряются сердцем, а не серебром.

Лю Чжоуцзэ подумал про себя: если это нельзя измерить серебром, зачем ты тогда так играешь с нами?

Трое мужчин переглянулись, мысленно оценивая ситуацию. Иногда, чтобы поймать волка, нужно пожертвовать овцой.

Ван Ваньнянь стиснул зубы, его щёки втянулись, а руки сжались в кулаки. Он произнёс:

— Такое благое дело, как строительство Храма Милосердия, заслуживает нашего внимания. Если мы не внесём хотя бы 50 000 лян серебра, то это будет неуважением к вашей доброте.

Яо Яньцин сохранил спокойное выражение лица и просто сказал:

— Строительство Храма Милосердия в Сяду направлено на просвещение варваров. Его масштаб должен соответствовать императорскому Храму Милосердия, чтобы показать мощь Цзинь-Тан.

Эти слова заставили троих мужчин на мгновение замолчать. Затем Ли Синь поддержал:

— Мы были близоруки. Ваша светлость прав, красные башни и изысканные украшения действительно подчеркнут величие Цзинь-Тан.

Яо Яньцин с лёгкой улыбкой в глазах ответил Ли Синю:

— Именно так. Колонны, покрытые золотом и серебром, необходимы, чтобы варвары поняли мощь нашей страны и осознали, что такое истинное величие.

Сказав это, он неспешно сделал глоток чая и добавил:

— Трое господ, пожалуйста, наслаждайтесь чаем. Мне пришло в голову ещё одно дело, позвольте мне ненадолго отлучиться, я скоро вернусь.

С этими словами Яо Яньцин встал с грацией и удалился.

Прошло около получаса, а Яо Яньцин всё не возвращался. Ван Ваньнянь начал нервничать, встал и вышел из зала, оглядываясь по сторонам. Кроме нескольких служанок, он никого не увидел и, раздражённый, вернулся обратно.

Лю Чжоуцзэ, наблюдая, как Ван Ваньнянь беспокойно ходит по комнате, сказал:

— Садитесь! Беспокоиться бесполезно.

Ван Ваньнянь с силой топнул ногой, сел на место, взял гайвань, поднёс его ко рту, но снова поставил обратно. Повернувшись к Ли и Лю, он сказал:

— Он явно нас игнорирует! Молодой, а уже такие амбиции!

Ли Синь усмехнулся:

— Не только амбиции, но и аппетиты у него большие.

Затем он посмотрел на Лю Чжоуцзэ:

— Брат Лю, вы всегда были близки с семьёй Яо. Когда Яо вернётся, сможете ли вы узнать его намерения?

Ван Ваньнянь посмотрел на Лю Чжоуцзэ и сказал:

— Пусть он назовёт сумму. Если мы сможем её собрать, то сделаем это. Если нет, то не будем тратить время на его высокомерие.

Лю Чжоуцзэ спокойно улыбнулся:

— А ты готов уйти?

Ван Ваньнянь тут же замолчал.

— 50 000 лян? Ты думаешь, это как раздать милостыню беднякам, которые с трудом сдали экзамены? Ты за одну порцию жареного риса с яйцом платишь 50 лян! — Лю Чжоуцзэ покачал головой, поднял два пальца и добавил:

— Не говоря уже о других расходах. Сановник Ван, Сановник Бай — их тоже нужно ублажить. Сколько слоёв придётся пройти, чтобы он смог вернуться в столицу с отчётом?

Ван Ваньнянь широко раскрыл глаза. 200 000 лян серебра — это почти половина годового дохода от его бизнеса по продаже шёлка. Выложить такую сумму сразу — это всё равно что лишиться жизни. Тогда уж точно не до жареного риса с яйцом, даже яичный суп покажется роскошью.

Ван Ваньнянь резко встал и начал ходить по комнате. Через некоторое время он обернулся и сквозь зубы произнёс:

— Пусть будет так. Больше я не могу. Если он согласится, мы быстро соберём сумму. Если нет, я не верю, что это единственный путь.

Его слова не нашли отклика. И Лю Чжоуцзэ, и Ли Синь имели свои предельные суммы. 200 000 лян были лишь началом, чтобы понять, насколько велик аппетит Яо Яньцина.

Трое мужчин ждали в зале почти час, но Яо Яньцин так и не вернулся. Даже Лю Чжоуцзэ, обычно спокойный, начал терять терпение. Он позвал служанку и спросил:

— Ты знаешь, где Пятый господин?

Служанка покачала головой, ничего не зная.

Лю Чжоуцзэ дал ей кусочек серебра и отпустил. Ван Ваньнянь спросил:

— Что это значит? Он больше не собирается с нами встречаться?

Ли Синь вздохнул:

— Он может не встречаться, но мы не можем не ждать.

— Ждём! Хватит болтать.

Ван Ваньнянь вздохнул. Когда просишь о чём-то, приходится смирять гордость. Не зря говорят, что старые лисы из семьи Яо были прозорливы, вырастив такого учёного. К счастью, их предки были благословлены, и в семье появились два первых призёра императорских экзаменов. Хотя третий сын Яо умер рано, он оставил после себя добрую память, и теперь Яо Яньцин пользуется этим.

— Брат Лю, вы всегда общались с семьёй Яо. Что любит Сановник Яо? — спросил Ли Синь, думая о том, как угодить ему, если серебро не сработает.

Лю Чжоуцзэ посмотрел на Ли Синя и сказал:

— Думаешь, ему что-то нужно? Он из семьи Яо.

Ли Синь задумался. Действительно, семья Яо богаче его, а Яо Яньцин такой талантливый. Старые лисы из семьи Яо точно не обделят его.

— Теперь я вспомнил, — Ван Ваньнянь хлопнул себя по бедру и громко сказал.

Ли Синь посмотрел на него, а Ван Ваньнянь усмехнулся:

— Семье Яо серебро не нужно, поэтому оно вряд ли его заинтересует. Но молодые люди всегда мечтают о женской компании.

Ли Синь понял намёк. Если серебро не работает, можно подарить ему несколько красавиц, которые будут шептать ему на ухо. Молодой человек, как Яо Яньцин, без близкого человека, возможно, оценит такой подарок.

Ли Синь уже начал строить планы, но Лю Чжоуцзэ охладил его пыл:

— Не трать время. Я не знаю всего, но если ты думаешь, что он попадётся на женские чары, то это иллюзия.

— Почему? — поспешно спросил Ли Синь.

Лю Чжоуцзэ ответил:

— Мой второй сын дружит с Сановником Яо. Они часто пили вместе, пока он не поступил в Академию Собрания Мудрецов. Несмотря на молодость, он хорошо разбирается в любовных делах. Раньше он часто посещал увеселительные заведения, но после поступления в академию изменился. Теперь у него даже нет наложниц, что говорит о его равнодушии к женским прелестям. Если бы он хотел, разве Старший Яо не подобрал бы ему несколько красавиц?

— Судя по твоим словам, я думаю, это сработает. Раньше он был слишком сдержан, а теперь, возможно, жаждет большего. Я подарю ему двух девушек, которые умеют петь и играть. Ему всего сколько лет? Не думаю, что у него такая сила воли. — Ли Синь усмехнулся, планируя найти двух талантливых девушек и отправить их в дом Яо.

<http://bllate.org/book/16709/1535900>